
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.22 «1922/1923»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.008

Дипломатическое взаимодействие Советской России и западных держав на Лозаннской конференции 1922–1923 гг.

Быстрова Нина Евгеньевна

доктор исторических наук, ученый секретарь, Институт российской истории Российской академии наук.
Россия, г. Москва. E-mail: iriran@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые важные аспекты дипломатической истории Лозаннской конференции 1922–1923 гг., на которой была предпринята попытка нормализовать отношения между Советской Россией и странами Запада, главной задачей которых по-прежнему остается геополитическое сдерживание России. Опираясь на архивный материал, прежде всего документы Архива внешней политики РФ, опубликованные сборники документов и не потерявшие своего научного значения труды предшественников, автор особое внимание уделяет попыткам советской дипломатии обеспечить безопасность страны в Черноморском регионе. Принятая в конечном счете в Лозанне, во враждебной для советских представителей обстановке, Конвенция о проливах Босфор и Дарданеллы оказалась направленной против советских интересов. Но от дальнейшего участия в конференции Россия не отказалась, не желая демонстрировать свою изолированность от международных форумов, отметив, однако, что путь развития отношений с западными странами за счет принципиальных экономических и политических уступок для нее неприемлем.

Ключевые слова: Лозаннская конференция, Г. В. Чичерин, Черноморские проливы, Советская Россия, дипломатическое признание, М. М. Литвинов, убийство В. В. Воровского, Конвенция о Проливах.

Международные отношения в наши дни переживают весьма сложный период трансформации, идет поиск нового баланса сил и интересов, принимающий все более ожесточенный характер. В повестке дня западных стран, как и сто лет назад – в 1923 г. – остается решение «русского вопроса», а их главной задачей – геополитическое сдерживание ключевого игрока на международной арене – России.

Актуальность темы обусловлена в том числе сегодняшними коллизиями отношений России со странами «коллективного Запада». Была ли возможность в 20-е гг. прошлого века реинтеграции России в «концерт держав»? Опираясь на архивный материал, опубликованные документы и труды предшественников, автор, отвечая на этот вопрос, особое внимание уделяет важным аспектам дипломатической истории Лозаннской конференции 1922–1923 гг., на которой была предпринята попытка нормализовать политические отношения между СССР и странами Запада, обеспечить безопасность страны в районе Черного моря, чтобы не превратить этот регион в плацдарм для нападения на Россию.

Внешнеполитическая изоляция и экономическая блокада Советской России вынуждала руководителей страны принимать меры к восстановлению не только экономических, но и политических связей с западными державами. Попытки были предприняты в Генуе и Гааге в 1922 г., однако политические мотивы там взяли верх над экономическими расчетами и привели к безрезультативности переговоров с Западом, предоставив между тем опыт обсуждения и решения основных общеевропейских проблем. Эти форумы стали рубежом между конфронтацией и сотрудничеством.

Взгляды России были обращены не только на Запад. Новый этап дипломатической борьбы с западными державами был связан с ситуацией вокруг Турции. Дипломатические противоречия, заметно омрачавшие отношения стран Антанты и Турции, большевистской Россией и бывших союзников Российской Империи по Сердечному Соглашению, побуждали к пересмотру Севрского мирного договора (10.08.1920). О своем желании принять участие в посвященной этой проблеме международной конференции заявили Великобритания, Франция и Италия.

Де-факто Севрский договор не вступал в силу ввиду того, что большинство государств его так и не ратифицировали. Великое национальное собрание Турции также отказалось его принять ввиду наличия в нем статей, ущемлявших суверенитет и нарушающих территориальную целостность страны. Правительство Турции под руководством М. Кемаля Ататюрка в 1923 г. заявило о непризнании договора: его кабальные статьи, фактически лишавшие страну независимости, были совершенно неприемлемы для новой турецкой власти. В стране в этот период наблюдался подъем национализма, заставить выполнить условия договора, уже не соответствующие действительному статусу Турции, не представлялось возможным.

Ситуация усугублялась тем, что на рубеже 1921–1922 гг. наметился перелом в Греко-турецкой войне, начавшейся еще в 1919 г. по инициативе Греции, претендовавшей на часть территории бывшей Османской империи. Греция считалась стратегическим партнером Великобритании в Средиземноморье, поэтому Лондон не желал ни при каких обстоятельствах утрачивать дипломатическую инициативу и стремился любой ценой сохранить свои позиции на Ближнем Востоке.

А для беспокойства имелись серьезные основания – в ходе наступления турецкие войска вышли на линию непосредственного соприкосновения с английскими и французскими частями, в тот момент дислоцированными на анатолийском берегу Дарданелл. Так в сентябре – октябре 1922 г. возник Чанакский кризис, имевший все шансы перерасти в полномасштабную войну Турции с Великобританией. Зона Черноморских проливов вновь стала источником повышенной тревожности в международных отношениях. Лондон не мог позволить себе новую войну на периферии международных отношений, даже в таком стратегически важном для себя регионе. Во время острой фазы кризиса кабинет Ллойд Джорджа ушел в отставку. Сменившее его правительство Э. Бонар Лоу поспешило склонить Грецию и Турцию к заключению перемирия. 11 октября 1922 г. оно было подписано в турецком местечке Муданья, только что освобожденном от греческой оккупации. Следующим шагом к урегулированию стал созыв международной конференции, призванной принять решения о режиме функционирования Черноморских проливов.

Местом проведения этого международного форума была выбрана Лозанна, где заинтересованным государствам предстояло обсудить «турецкий вопрос». Ключевую роль в подготовке конференции играл министр иностранных дел Великобритании лорд Д. Н. Керзон. Нейтральная Швейцария традиционно считалась привлекательным местом для проведения международных форумов. Но на этот раз выбор переговорной площадки определялся не только удобным географическим положением, но и тем, что этот город был удачной альтернативой Женеве, не приемлемой для советской делегации из-за того, что там размещалась штаб-квартира Лиги Наций, что создавало существенный дискомфорт для советской делегации, поскольку Российская Федерация членом этого международного органа не являлась. Член Исполкома Коминтерна К. Б. Радек не случайно называл Лигу Наций «псевдонимом английского адмиралтейства» [1]. Советские представители были приглашены для участия лишь в первой части Лозаннской конференции – по вопросу о Черноморских проливах. Причем первоначально участие делегации РСФСР вообще не предполагалось, и лишь решительные протесты со стороны советского правительства и турецкого руководства вынудили Лондон направить приглашение в Москву [15, с. 590, 621–623, 761].

В конце октября 1922 г., давая интервью корреспонденту британских газет *The Observer* и *The Manchester Guardian* Майклу Фарбману, В. И. Ленин предупреждал, что не следует относиться к согласию Российской Федерации отправиться в Лозанну для того, чтобы сесть за один стол переговоров с ведущими европейскими державами, как к вопросу престижа. На самом деле эту ответственную дипломатическую миссию следовало, по его словам, рассматривать реалистично, как шанс защитить собственные национальные интересы. Он также подчеркнул, что во включении советского правительства в процессы урегулирования межгосударственных отношений в Европе заинтересованы сами европейцы, поскольку любые попытки ущемить Советскую Россию приведут к ряду «весьма практических и непосредственных, в частности экономических неудобств», чреватых значительным ущербом в первую очередь для Франции и Англии [15, с. 637–638].

24 сентября 1922 г. правительства Англии, Франции, Италии, Югославии, Болгарии, Румынии, Греции и Египта получили ноту НКВД РСФСР. Выбор адресатов не был случайным. В документе говорилось о скорейшем урегулировании кризиса, который в первую очередь касался перечисленных государств, поскольку именно они больше других страдали от роста

международной напряженности в Восточном Средиземноморье. Источником конфликта были разногласия по поводу режима проливов Босфор и Дарданеллы. Подчеркивалось, что Российская Федерация и Турция больше других заинтересованы в свободе Проливов, поскольку именно они занимают самую протяженную часть черноморского побережья. Для обсуждения сложившегося положения дел и поиска взаимоприемлемых решений предлагалось созвать конференцию с участием всех упомянутых в ноте государств [15, с. 593–595]. Россия выражала готовность выслушать предложения других держав [15, с. 598].

Инициатива Москвы отклик не нашла. У европейских государств были собственные представления о том, как следует решать ближневосточный вопрос.

Тем не менее Политбюро ЦК еще в октябре 1922 г. сформировало специальную комиссию для изучения подготовки материалов для членов советской делегации. В ее состав вошли председатель Реввоенсовета республики, нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин и К. Б. Радек (в то время являвшийся членом Исполкома Коминтерна и ЦК ВКПб). В детальной проработке ключевой проблемы повестки предстоящего форума приняли участие лучшие специалисты в области международных отношений и международного права, а также действующие дипломаты и эксперты в области военной стратегии. В итоге была в общих чертах намечена переговорная платформа советской делегации по проблеме черноморских Проливов и правилам судоходства в Черном море, состоявшая из пяти принципов: неприкосновенность суверенитета Турции; свобода Проливов для торговых судов и самолетов без различий флага; закрытие прохода через Проливы и запрещение присутствия в Черном море иностранных военных судов и самолетов; право черноморских государств, РСФСР, Турция, Болгария, Румыния, устанавливать режим пользования проливами и водами Черного моря; отмена капитуляций и отказ от военных судов, обслуживавших иностранные миссии [2].

Лозаннская конференция проходила в два этапа: с 20 ноября 1922 – по 4 февраля 1923 г. и с 23 апреля по 24 июля 1923 г. Принципиальное значение имел лишь первый этап конференции. В повестке конференции приоритетное значение имели вопросы определения территориальных границ Турции, урегулирование проблемы принадлежности Мосула, обострившейся еще в начале 1920-х гг., практически сразу после открытия там месторождения нефти, и утверждение норм, регулирующих правила прохода военных кораблей и торговых судов через проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря.

Действующим председателем конференции был избран представитель Англии лорд Керзон. В форуме приняли участие делегации девяти стран – Англии, Франции, Италии, Греции, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Турции, Японии (США в качестве наблюдателя). В дискуссии о Проливах участвовала объединенная российско-украинско-грузинская делегация, а также делегация Болгарии. Были образованы три комиссии: политическая (территориальные и военные вопросы); юридическая (положение иностранцев и национальных меньшинств) и экономическая (финансовые и экономические проблемы).

Советская делегация под руководством Г. В. Чичерина (в ее составе были член президиума ЦК партии Грузии П. Г. Мдивани и несколько технических работников) прибыла в Лозанну 1 декабря. На следующий день Г. Чичерин писал заместителю наркома иностранных дел М. Литвинову: «Я приехал в Лозанну только вчера... но у меня сложилось впечатление нашей полной изоляции не только в Лозанне, но и вообще. Ни англичане, ни французы не обнаружили до сих пор желанья разговаривать о чем бы то ни было. Новое английское правительство по отношению к нам глубоко враждебно... Керзон – полный хозяин конференции, французы идут смиренно в его хвосте; Муссолини совершенно потерял всякую самостоятельность... Турки ведут жалкую политику, как будто кого-то хотят надуть и, в конце концов, уступают и подчиняются» [3].

М. М. Литвинов в письме Чичерину в Лозанну 11 декабря 1922 г. отмечал, что вполне согласен с его соображениями относительно изоляции России. «Столковаться с нынешним правительством Англии по вопросу о претензиях не удастся даже в том случае, – писал он, – если в Лондоне и Брюсселе не будет достигнуто полное соглашение между союзниками... Несмотря на Лозанну, мы от признания де-юре теперь дальше, чем были год тому назад» [4]. В письме от 14 декабря он спрашивал Чичерина о возможности попытки найти контакт с лордом Керзоном и выяснить его намерения в отношении России, хоть и считал всякие переговоры с Англией на тот момент совершенно бесплодными. Литвинов настаивал на необходимости вести в Лондоне агитацию за полное отделение вопроса о признании (Советской России) от част-

ных претензий [5]. В подтверждение своих слов, он писал Чичерину 18 декабря: Бонар Лоу заявил в парламенте, что без удовлетворительного решения вопроса о реституции национальной собственности или действительной компенсации, соглашение с Россией невозможно [6].

В связи с вопросом о возможном признании Советской России вызывает интерес данная М. Литвиновым в письме от 14 декабря 1922 г. оценка внешнеполитической программы премьер-министра Италии Бенито Муссолини. Литвинов считал эту программу совершенно беспринципной; за определенные компенсации Италия, по его мнению, была готова заключать союзы с кем угодно и против кого угодно. «Своими заявлениями Воровскому, Красину и журналистам о готовности расширения базы взаимоотношений с Россией Муссолини, очевидно, шантажировал Францию и Англию, чтобы получить отступного» [7], – писал Литвинов, выражая сомнение, что Франция или Англия дадут Муссолини ожидаемые им компенсации.

3 декабря 1922 г. объединенная делегация Советской России, Украины и Грузии направила председателю конференции ноту с согласием участвовать в работах Комиссии по Проливам, «чтобы не усугублять затруднений, которые неизбежно повлекло бы за собой отсутствием России на этой конференции» [16, с. 30–31].

Советское руководство было в целом единодушно в необходимости закрыть Босфор и Дарданеллы для прохода военных кораблей Антанты. В Великобритании существовали две точки зрения на эту проблему – «грекофильская» и «туркофильская». Наиболее достижимым компромиссом Керзону представлялась интернационализация проливов. Позиция Турции была колеблющейся: она не хотела лишаться советской поддержки, однако опасалась сохранения унижительных статей Севрского договора. В советском дипломатическом руководстве это хорошо знали. Так, 5 декабря 1922 г. Чичерин писал, что турки «хитрят во всех направлениях», но нельзя «резко рвать с правительством кемалистов. Они тоже не хотят с нами рвать и даже очень нас боятся» [8].

4 декабря 1922 г. председатель советской делегации Г. В. Чичерин выступил с речью на первом заседании комиссии, созданной для рассмотрения вопросов безопасности международного судоходства через проливы. В ней говорилось, что советская делегация будет стремиться осуществить два основных принципа: равноправие России и ее союзников с другими державами; и сохранение мира и безопасности территорий России и союзных с ней республик, а также свободы их экономических отношений с другими странами [16, с. 36]. Чичерин заявил, что Черноморские проливы должны быть открыты для торговых судов и закрыты для военных кораблей всех государств, кроме кемалистской Турции [9; 16, с. 35–38]. Советский проект, однако, не был поддержан.

6 декабря Керзон внес на рассмотрение конференции документ, представляющий консолидированную позицию союзников по вопросу о проливах Босфор и Дарданеллы. Права прохода по ним лишались только корабли государств, в данный момент воюющих с Турцией. Для всех остальных торговых судов и боевых кораблей, независимо от их государственной принадлежности и времени прохода, предусматривался свободный режим [18, л. 28–35, 36–46].

Неоднократные попытки Г. В. Чичерина в ходе дальнейших дискуссий внести поправки в британский документ и довести до сведения партнеров по переговорам озабоченность Российской Федерации в связи тем, что свободный проход военных кораблей представляет угрозу безопасности России, а частичными ограничительными мерами невозможно устранить это фундаментальное обстоятельство, не увенчались успехом. Между тем Керзон не стал игнорировать предложенную советским наркомом компромиссную формулировку, основанную на идее «условного» закрытия проливов [10], и предложил ему личную встречу. Она состоялась 17 декабря. После завершения разговора Чичерин передал в Москву, что Керзон не проявлял резкой враждебности, высказывал убеждение в стабильности большевистского режима. Но он подчеркнул, что правительство Его Величества обеспокоено в связи с очевидным ростом антибританских настроений в восточных владениях Империи, одной из главных причин которых он считал активизацию антибританской пропаганды со стороны местных просоветски настроенных организаций, находивших сочувствие и поддержку в лице советских полпредов. Глава советской делегации возражал, чем, похоже, все же вывел из себя уравновешенного британца, так как, согласно отчету Чичерина, тот закончил обмен мнениями скрытой угрозой, сказав, что если Россия не подпишет договор о проливах, он будет подписан без нее, хотя и будет иметь при этом меньшую силу.

Сравнивая международный форум в Лозанне с предыдущими международными конференциями в Генуе и Гааге, Чичерин заключил, что на этот раз советская делегация чувствовала

ла себя гораздо более одинокой, что можно было считать одним из свидетельств растущей изоляции Российской Федерации. «Теперь, – отметил нарком в телеграмме для советского руководства от 9 декабря, – весь вопрос в том, чтобы удержать турок от слишком далеко идущих уступок» [11].

В одном из писем Георгий Валентинович прямо указывал, что согласно его впечатлениям, наиболее концентрированный импульс враждебности исходит от Великобритании, и пока внешней политикой Лондона руководит лорд Керзон, рассчитывать на подписание существенных международных соглашений с этой страной не следует [16, с. 82–90].

18 декабря 1922 г. на рассмотрение конференции официально был внесен советский проект международной конвенции о проливах Босфор и Дарданеллы. Он предусматривал закрытие проливов для военных кораблей любых нечерноморских государств и разрешал проход торговых судов. Однако идея комбинированного режима участников конференции не привлекла, проект был без обсуждения отклонен. Аргументы Чичерина, говорившего о том, что настаивая на согласованном делегациями Запада английском варианте, делегаты навязывают Советской России замысел Лондона «сделать невозможной защиту проливов и Константинополя и поставить Россию под удары крупных флотов», никакого впечатления не произвели [16, с. 99–104].

14 декабря 1922 г. заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов писал Чичерину, что его вопрос о подписании соглашения в Лозанне обсуждался в Политбюро. «Нам кажется, – сообщал Максим Максимович, что, отказав дать свою подпись, мы ничего не достигнем ни в смысле демонстрации, ни в практическом отношении, а лишь подчеркнем нашу изолированность и дадим пищу для агитации на тему о невозможности соглашения с нами по каким бы то ни было международным вопросам и совершенной бесполезности нашего участия в международных актах. Мы имели в виду подпись на соглашении по всем вопросам, связанным с проливами, т. е. о международной контрольной комиссии об укреплении берегов, прохождения торговых судов и т. д., причем мы оговорим свое несогласие с теми отдельными пунктами, против которых мы возражаем, как например, о пропуске военных судов. Пусть с оговорками, заявлениями, особым мнением, – мы должны закрепить хотя бы для прецедента свое действительное участие в международном акте» [12]. Литвинов информировал, что не следовало ставить подпись в том случае, если соглашение примет характер Брестского договора.

В Лозанне глава советской делегации не смог сыграть на противоречиях между англичанами и французами, как вначале планировалось, и не смог добиться компромисса, фактически смирившись с дипломатическим поражением. Конвенция о проливах в конечном счете оказалась направленной против советских интересов, оставляя открытым доступ в Черное море для военных кораблей не только в мирное время, но и во время войны. И хотя Чичерин отверг проект итогового документа о режиме проливов и, не дожидаясь завершения, выехал из Лозанны 7 февраля 1923 г., этот жест нельзя оценивать как обструкцию. Советская сторона была заинтересована в выходе из международной изоляции, поэтому делегация РСФСР, на этот раз уже во главе с В. Воровским вскоре вернулась в Швейцарию для того, чтобы принять участие во втором этапе этого важного международного форума.

К обострению общей международной ситуации в Европе в 1923 г. привел Рурский кризис. Франция и Бельгия ввели войска на территорию Рурской области Германии, пытаясь заставить ее выплачивать репарации, определенные по Версальскому договору в пользу стран Антанты. Единственным государством, вслед за Германией заявившим решительный протест в связи с оккупацией Рура, был Советский Союз.

Напряженность общеевропейской обстановки усиливали постоянные антисоветские акции западных стран. Так, 8 мая 1923 г. официальный британский представитель в Москве Ф. Ходжсон вручил М. М. Литвинову меморандум английского министра иностранных дел Э. Керзона с рядом ультимативных требований к советской стороне. Главными из них были прекращение советскими представителями и агентами Коминтерна открытой антибританской пропаганды в Персии, Афганистане, Индии и других странах [16, с. 297–302]. Между тем конфликт между Москвой и Лондоном, вызванный посланием Керзона, по дипломатическим каналам был вскоре урегулирован. Одновременно с «ультиматумом Керзона» тревожная новость пришла из Лозанны.

В ходе конференции вокруг принимавших в ней участие советских представителей сложилась вначале неблагоприятная, а затем и неприкрыто враждебная обстановка, что было следствием не только острых разногласий между ее участниками по обсуждаемым вопросам.

Не меньшую роль в этом сыграло резкое ухудшение весной 1923 г. отношений СССР с одним из главных организаторов конференции – Великобританией, а также откровенно недоброжелательное отношение к советским представителям властей Швейцарии, не стремившихся устанавливать официальные дипломатические отношения с Россией.

Советский представитель в Италии В. В. Воровский 27 апреля 1923 г. прибыл в Лозанну и столкнулся с большими трудностями – члены советской делегации были лишены дипломатических прав, дипкурьерам отказали в визе. Делегацию СССР пытались отстранить от дальнейшего участия в конференции под предлогом того, что вопрос о Проливах решен, а подписать Конвенцию Г. В. Чичерин отказался. Как отказ Москвы подписать конвенцию были восприняты слова главы советской делегации о проекте конвенции держав как угрозе безопасности России, Украины и Грузии, и о том, что без участия этих союзных стран не может быть решен вопрос о проливах [16, с. 178]. По сообщению Воровского, представители Советского государства находились в Лозанне в качестве наблюдателей. Швейцарские власти отказывались обеспечить советскому делегату и сопровождавшим его сотрудникам соблюдение элементарных дипломатических норм, в том числе права личной безопасности и дипломатической неприкосновенности. Это обернулось трагедией. 10 мая 1923 г. В. В. Воровский был убит белогвардейскими эмигрантами Б. Конради и А. Полуниным. После гибели Воровского контакты советской делегации с другими участниками конференции на уровне членов официальных делегаций были прекращены.

15 мая 1923 г. Г. В. Чичерин обратился к Сталину с просьбой обсудить в Политбюро вопрос о Лозаннской конференции, в частности, о подписании Конвенции о Проливах. По мнению наркома, имелись две возможности: «1) Или мы ждем до момента подписания договора, с которым связана проливная конвенция, и тогда заявляем, что по таким-то основаниям мы эту конвенцию отвергаем, не признаем, что нас удалили с конференции, что нас даже не спрашивали, согласны ли мы ее подписать, и что мы из этого сделали выводы; 2) или же мы теперь же заявляем, в связи с нынешними событиями, что мы уходим с Лозаннской конференции и опорочиваем всякий будущий заключенный на ней договор, – говорилось в сообщении. – Мы высказываемся за вторую возможность, т. е. за немедленное заявление о нашем уходе с Лозаннской конференции, так как мы не знаем, окончится ли она вообще подписанием договора, и если мы упустим нынешний момент для принципиального выступления, этот момент может не вернуться и наше отношение к конференции и к проливной конвенции останется неясным. Именно ввиду того, что нынешний момент создает обстановку для декларативного ухода с конференции, мы предлагаем сделать это выступление теперь» [13].

Советское правительство выбрало иной путь: 16 мая Швейцарии и приглашающим державам были направлены ноты протеста в связи с убийством В. Воровского, 29 июня были прекращены отношения с Швейцарией [16, с. 313–318].

24 июля 1923 г. на последнем заседании Лозаннской конференции представителями Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, с одной стороны, и Турцией, с другой, был подписан заключительный акт и 17 документов, важнейшими из них стали Мирный договор и Конвенция о режиме Проливов [23, с. 143–189], в основе которой лежал проект Керзона, предусматривавший право свободного прохода через проливы военных кораблей любой страны как в мирное, так и в военное время.

Ни у Турции, ни у РСФСР не было оснований для того, чтобы считать итоги конференции удовлетворительными. Хотя договор, подписанный с западными державами, гарантировал международное признание и территориальное единство Турции в рамках ее этнографических границ, проблема Проливов была решена наименее желательным для нее способом. В Москве также принятая в Лозанне «Конвенция о Проливах» оценивалась как неприемлемая. Все предложения советской делегации по поводу режима Босфора и Дарданелл были отвергнуты. Несмотря на то, что 14 августа 1923 г. по поручению правительства РСФСР полпред в Риме И. О. Иорданский подписал этот документ, ратифицирован он не был, хотя и исполнялся в течение всего периода его действия [21, с. 354–390; 10, с. 139–262]¹.

¹ Принятая в 1936 г. в Монтрё новая «Конвенция» восстановила суверенитет Турции над Босфором и Дарданеллами. Турция обязалась соблюдать принципы международного морского права, но получила право на ремилитаризацию зоны проливов. В отношении военных кораблей устанавливался различный режим для флотов черноморских и нечерноморских государств.

Конференция в Лозанне в очередной раз (как это было уже в Генуе и Гааге) показала, что страны Западной Европы по-прежнему находятся в плену стереотипов собственной исторической памяти и воспринимают Советскую Россию как угрозу своим границам, ценностям и образу жизни. Возвращение России в «большую политику» они расценивали как удар по престижу и угрозу своим заокеанским владениям. Наличие у России собственных национальных устремлений, включая интересы безопасности, они предпочитали игнорировать. Между тем полученный участниками международных конференций 1922–1923 гг. опыт показал, что если Запад по-настоящему заинтересован в установлении длительного и справедливого мира, то ему придется договариваться с Москвой, потому что без этого не удастся прийти к сбалансированному состоянию Европы, основанному если и не на доверии, то хотя бы на возможности согласовывать спорные вопросы и поддерживать цивилизованный диалог.

Вспоминаются слова Ивана Александровича Ильина, который писал, что у России нет в мире искренних доброжелателей, а «русский народ может надеяться только на Бога и на себя... По существу, никто из иностранцев нисколько не прозрел, ни в чем не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылез из своего презрения и властолюбия. И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим западных политиков в тупик прежних ошибок. ...Россия спасается только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!» [22, с. 189].

Список литературы

1. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 3.
2. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. Д. 37. Л. 10.
3. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 27, 28. Письмо Чичерина Литвинову 2 декабря 1922 г.
4. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 62. Письмо Литвинова Чичерину 11 декабря 1922 г.
5. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 72–74.
6. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 89.
7. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 74.
8. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. Д. 6. Л. 343.
9. АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 14–16. Выступление Чичерина, 4 декабря 1922 г.
10. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 3. Предложение советской делегации на Лозаннской конференции. 7 декабря 1922 г.
11. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332–335. Чичерин – Литвинову, 9 декабря 1922 г.
12. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 72, 73. Литвинов – Чичерину, 14 декабря 1922 г.
13. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 140. Чичерин – Сталину, 15 мая 1923 г.
14. Быстрова Н. Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., 2020. 277 с.
15. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.
16. Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962.
17. История дипломатии. Т. 3. М., 1965. 832 с.
18. Кутовой Е. Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.; СПб., 2016. 512 с.
19. Международная политика РСФСР в 1922 г. М., 1923. 83 с.
20. Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. 323 с.
21. Нежинский Л. Н. Советская дипломатия и Лозаннская конференция (1922–1923 гг.) // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 353–390.
22. Российская политическая наука : в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. А. И. Соловьева. 1920–1950-е гг. М., 2008. 639 с.
23. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927. 303 с.
24. Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. 347 с.
25. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. 516 с.

Diplomatic cooperation between Soviet Russia and the Western Powers at the Lausanne Conference of 1922–1923

Bystrova Nina Evgenyevna

Doctor of Historical Sciences, academic secretary, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. E-mail: iriran@mail.ru

Abstract. The article examines some important aspects of the diplomatic history of the Lausanne Conference of 1922–1923, at which an attempt was made to normalize relations between Soviet Russia and Western countries, whose main task remains the geopolitical containment of Russia. Based on archival material, primarily documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, published collections of documents and the works of predecessors that have not lost their scientific significance, the author pays special attention to attempts by Soviet diplomacy to ensure the country's security in the Black Sea region. Ultimately adopted in Lausanne, in an environment hostile to Soviet representatives, the Convention on the Bosphorus and Dardanelles Straits turned out to be directed against Soviet interests. But Russia did not refuse further participation in the conference, not wanting to demonstrate its isolation from international forums, noting, however, that the path of developing relations with Western countries through fundamental economic and political concessions is unacceptable for it.

Keywords: Lausanne Conference, G. V. Chicherin, Black Sea Straits, Soviet Russia, diplomatic recognition, M. M. Litvinov, murder of V. V. Vorovsky, Straits Convention.

References

1. AFP RF (Archive of Foreign Policy of the Russian Federation). F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 3.
2. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. File 37. Sh. 10.
3. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 27, 28. Chicherin's letter to Litvinov on December 2, 1922.
4. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 62. Litvinov's letter to Chicherin on December 11, 1922.
5. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 72–74.
6. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 89.
7. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 74.
8. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. File 6. Sh. 343.
9. AFP RF. F. 421. Inv. 1. Item 2. File 22. Sh. 14–16. Chicherin's speech, December 4, 1922
10. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. Item 2. File 24. Sh. 3. Proposal of the Soviet delegation at the Lausanne Conference. December 7, 1922
11. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. Item 1. File 6. Sh. 332–335. Chicherin to Litvinov, December 9, 1922
12. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 72, 73. Litvinov – Chicherin, December 14, 1922
13. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 140. Chicherin to Stalin. May 15, 1923
14. Bystrova N. E. *Sovetskaya Rossiya na konferenciayah v Genue i Gaage 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague in 1922: a view from the Kremlin]. M. 2020. 277 p.
15. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 5. M. 1961.
16. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 6. M. 1962.
17. *Istoriya diplomatii* – History of diplomacy. Vol. 3. M. 1965. 832 p.
18. Kutovoj E. G. *Mezhdunarodnye peregovory na perekrestkah civilizacij* [International negotiations at the crossroads of civilizations]. M. ; St. Petersburg. 2016. 512 p.
19. *Mezhdunarodnaya politika RSFSR v 1922 g.* – International policy of the RSFSR in 1922. M. 1923. 83 p.
20. Nezhinskij L. N. *V interesah naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godah* [In the interests of the people or in spite of them? Soviet international politics in 1917–1933]. M. 2004. 323 p.
21. Nezhinskij L. N. *Sovetskaya diplomatiya i Lozannskaya konferenciya (1922–1923 gg.)* [Soviet diplomacy and the Lausanne Conference (1922–1923)] // *Rossiya i Chernomorskie prolivy (XVIII–XX stoletiya)* – Russia and the Black Sea Straits (XVIII–XX centuries). M. 1999. Pp. 353–390.
22. *Rossiyskaya politicheskaya nauka : v 5 t. T. 2* – Russian political science : in 5 vols. Vol. 2 / under the gen. ed. of A. I. Solovyov. 1920–1950-ies. M. 2008. 639 p.
23. *Sevrskiy mirnyj dogovor i akty, podpisannyye v Lozanne* – The Treaty of Sevres and the acts signed in Lausanne. M. 1927. 303 p.
24. *Sovetskaya vneshnyaya politika. 1917–1945 gg. Poiski novyh podhodov* – Soviet foreign policy. 1917–1945. The search for new approaches. M. 1992. 347 p.
25. Chicherin G. V. *Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoj politiki* [Articles and speeches on international politics]. M. 1961. 516 p.